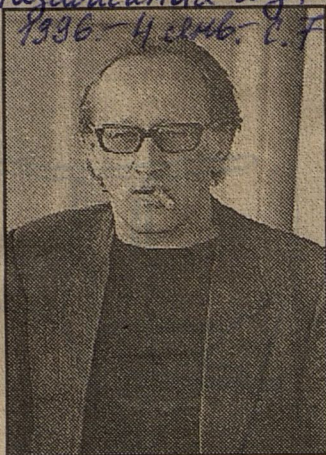

Хронист заката

Независимая газ.

1996 - 4 сент. 1997

УМЕР Хайнер Мюллер. В предпоследний день декабря ушел навсегда, не стал встречать Новый год и жить в этом новом, високосном. Он болел давно без надежды на излечение, болел и работал — в байрейтской постановке «Тристана и Изольды», одном из последних его спектаклей, не было неожиданным напоминание человечеству о позорно проигранной истории. Будто Мюллер захотел примириться с миром, приговоренным им окончательно, уже в молодые годы, приговоренным к длящемуся бесконечно закату. Шпенглеровский «закат Европы» — метафора, поэтический образ, не лишенный красоты, а у Мюллера — реальность, отталкивающая и низменная. Место действия его пьес — чаще всего вселенская свалка или бункер, либо некий симбиоз того и другого. Мотивы тупиковости цивилизации он варьировал упоенно и изобретательно, изощренно и тонко.

Его пьесы долгое время относили к брехтовской традиции, но Мюллер прожил в XX веке на четыре десятилетия больше и узнал то, что Брехту узнать было не суждено, потому брехтовское остранение трансформировалось у него в абсурдистский гротеск, а брехтовский рационализм обернулся иррационализмом и визионерством.

До объединения Германии он жил в ГДР, ему дозволялось много больше, чем рядовому гражданину страны то ли победившего, то ли зрелого социализма, но это не сделало его верноподданым. Коллизию несвободы он сумел передать в своих пьесах и режиссерских работах, как никто другой. В последнее десятилетие он постепенно стал самым репертуарным драматургом, его пьесам была посвящена программа Авиньонского фестиваля, они шли и идут в Финляндии и Мексике, в Польше и во Франции, в

Италии и Бельгии. Европа и мир в мюллеровских мрачных гротесках узнали себя, свои трагедии и казусы, узнали — и замороженно, не отрываясь, продолжают смотреть в это беспощадное зеркало. Пространство в драматургии Мюллера всегда агрессивно, оно поглощает и не выпускает, а время, напротив, дает возможность пребывать беспрепятственно в любой его точке, и из любой точки времен извлекаются исторические и литературные, мифологические персонажи, чтобы подтвердить главную идею драматурга, его любимый тезис, столь пришедшийся ко двору в благополучной Европе, — о тупиках развития, о сне разума, о нелепостях, властвующих надо всем, и на Востоке, и на Западе.

Конечно, Мюллер — немецкий драматург, сын Германии, судьба его отечества всегда диктовала ему темы и окрашивала его спектакли в мрачные, сумеречные цвета. Но европейская (да и мировая) сцена восприняла Мюллера как гражданина мира, который долгие годы писал не национальную сагу, а новый эпос о судьбах мира и человечества. Герой мюллеровской одноактной пьесы «Гамлет—машина» выкрикивал свои жалобы и проклятия на разных языках, и не он один; Мюллер-драматург провоцирует режиссеров на разные решения, его пьесы, несмотря на постоянство мотивов, разнообразны и по-своему занимательны. Его театральный мир — балаган и мираж, кукольный дом и привал комедиантов. Брутальный, трагикомический гротеск не производит тягостного впечатления, потому что обладает художественным качеством, в современной европейской драматургии вряд ли превзойденным.

В России драматургия Мюллера не прижилась, коллеги-театроведы изобрели много вполне справедливых объяснений, однако причина, думается, проста — сыграло чувство самосохранения. Европе, живущей иначе, чем Россия, есть на чем отдохнуть после мюллеровских спектаклей, под нашим российским небом отдыхать не на чем. Еще романтики говорили, что нельзя безнаказанно заглядывать в бездну — Хайнер Мюллер в бездне поселился и прожил жизнь, приглашая публику разделить место его пребывания. Он знал, понимал и предвидел многое и не мог обрести покой — это знание сократило дни его жизни, но оставленный в назидание потомкам мюллеровский портрет планеты, его гротескные хроники останутся в исторической и культурной памяти человечества, которое так и не заслужило у него лестной оценки. А сцены мира объявляют о новых премьерных пьес Хайнера Мюллера...

Галина МАКАРОВА